

Внутренняя форма языка и внутренняя форма слова

В.А. ПИЩАЛЬНИКОВА
Москва (К 150-летию со дня рождения А.А. Потебни)

Статья посвящена исследованию содержания фундаментальных лингвистических категорий «внутренняя форма языка», «внутренняя форма слова». Автор рассматривает основополагающую позицию В. фон Гумбольдта, анализирует ее влияние на становление концепции значения слова А.А. Потебни, акцентирует положения классиков, наиболее актуальные для современной лингвистики.

Ключевые слова: *внутренняя форма языка; внутренняя форма слова; значение; представление; понятие.*

Современная «массовая» лингвистика, и не только отечественная, во многом парадоксальна. Достаточно упомянуть наличие в ней направлений, активно ширящихся и не имеющих при этом четко сформулированного объекта исследования. К числу таких парадоксов можно отнести то, что, с одной стороны, ни один лингвист не обходится без терминов *внутренняя форма слова, внутренняя форма языка*, существуют исследования, детально и многоаспектно изучающие их содержание. С другой стороны, все чаще обнаруживается неразличение этих понятий, от чего, на мой взгляд, недалеко и до их сознательной синонимизации. При этом все лингвисты в решении вопроса ссылаются, конечно, на В. фон Гумбольдта и А.А. Потебню. И если в период господства структурной лингвистики понятию «внутренняя форма языка» внимания не уделялось, то современная лингвистика обращается к нему очень часто, однако имеющиеся де-

финиции понятия остаются такими же философски обобщенными, мало привязанными к анализу конкретных языковых фактов.

С понятием «внутренняя форма» слова дело обстоит иначе. Употребление соответствующего термина породило несколько мифов:

Первый миф связан с мнением о том, что ВФС (внутренняя форма слова. – В.П.) не играет заметной роли в языке, его функционировании. В качестве доказательства приводятся следующие аргументы: а) ВФС осознается носителями языка в течение недолгого времени, лишь в начале появления лексической единицы в языке, затем она вскоре забывается и исчезает, подобно строительным лесам, которые убирают, когда строение завершено; б) в языке наряду с мотивированными словами существуют и немотивированные лексические единицы, ВФС в которых вообще отсутствует; в) одним из постоянно действующих лексических процессов является процесс демотивации, итог которого – утрата ВФС [Блинова 2012: 5].

Вопрос о структуре внутренней формы остается открытым, а сам термин толку-

*Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филол. наук, профессор МГЛУ.
E-mail: pishchalnikova@mail.ru*

ется в зависимости от характера парадигмы, в которой он употребляется. Так, этимологи приравнивают его содержание к содержанию этимона; дериватологи рассматривают внутреннюю форму слова как соотношение между производным и производящим словами; ономастиологи – как номинационный признак, когнитологи – как некие гештальт-структуры, на базе которых осуществляется концептуализация действительности, лингвокультурологи – как некую семантическую модель, влияющую на формирование видения мира; мотивологи – как морфосемантическую структуру слова, позволяющую объяснить связь его звучания и значения, и т.д. Возможно, такое широкое использование термина и оправданно, но, как представляется, А.А. Потебня, который ввел данный термин в научный оборот, вполне осознавал границы его применения как интерпретативно-лингвистического понятия.

Чтобы уяснить логику развития понятия «внутренняя форма языка», обратимся к одной из основополагающих идей В. фон Гумбольдта:

«Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energia)»; «...в подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности»; «каждый язык заключается в акте его реального порождения»; «При этом надо абстрагироваться от того, что он функционирует для обозначения предметов и как средство общения, и вместе с тем с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и к факту взаимовлияния этих двух явлений» [Гумбольдт 1984: 70; 69].

Акцентируя необходимость рассмотрения языка как процесса, В. фон Гумбольдт вовсе не исключает возможности исследования языка как продукта, результата этого процесса. Он лишь подчеркивает, что именно процесс постоянного взаимодействия с духовной деятельностью и есть истинное бытие языка, его феноменальная эволюция. Язык и дух тождественны функционально, хотя основания такого функционального слияния двух разных феноменов остаются неясными:

«Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остается для нас загадкой» [Там же: 68].

«Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое. В силу необходимости мышление всегда связано с звуками языка; иначе мысль не сможет достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием» [Там же: 72].

Поскольку язык создается специфическим «народным духом» как созидающей силой, каждый язык национально своеобразен. Поэтому, присваивая язык, человек одновременно присваивает и национально специфичные способы представления действительности в языке. Для объяснения сущности языка В. фон Гумбольдт использует давно известное, хотя и неоднозначное понятие внутренней формы, которое, однако, методологически перерабатывает в приложении к языку, что требует исключить его «метафорическую расплывчатость и иррациональность» и сформулировать термин «в полной строгости и рациональности». Языковая форма – не часть языковой структуры, не элемент языка, а язык в своей действительной сущности, язык как деятельность, направленная на то, чтобы «артикулированный звук сделать выражением мысли» [Там же: 69].

Характер языка выявляется в способе связи мысли со звуком. Каждый язык, как утверждает Гумбольдт, – это своеобразная форма порождения и сообщения идей, принцип представления мысли в языке, поэтому содержание внутренней формы находится за границами языка.

Внутренняя форма творится, осуществляется только в речевой деятельности, а потому она может быть рассмотрена и как потенциальная, идеально возможная. По сути речь идет об осуществляющемся

механизме знакообразования на ассоциативно-перцептиционной базе мышления индивидов. Вот почему артикуляция звука – принципиальное свойство языка, а не просто физиологическая способность человека, приспособленная для производства языковых единиц. В артикулированном звуке «овеществляется» интенция сознания, в то время как «артикулированное чувство» – это правило, принцип образования фонетических сочетаний. Артикулированный звук – явление речи, артикулированное чувство – проявление внутренней формы языка:

«Постоянство и единообразие в работе духа, направленные на то, чтобы возвысить артикулированный звук до выражения мысли, составляют форму языка»; «...это – индивидуальный порыв нации, которым она в языке сообщает своей мысли и своему ощущению значимость. Но так как этот порыв никогда не дан нам в целостности своего стремления, а лишь в разрозненных своих действиях, то нам *остается только запечатлеть в мертвом общем понятии однородность его действия*» (курсив мой. – В.П.) [Там же: 14].

Следовательно, внутренняя форма языка – не чувственно данная звуковая форма, не форма самого мышления, не форма предмета (реалии). Это способ обозначения предметов (реалий) в звуковой форме.

И здесь необходимо вспомнить теорию агглютинации Ф. Боппа, которую В. фон Гумбольдт в основном поддерживал. Согласно ей, личные окончания глагола и падежные окончания имени развились из первоначально независимых местоимений путем присоединения (агглютинации) их к корню и превращения в формальные элементы словоформы. Поскольку, в соответствии с господствовавшим мнением, в языке всегда реализуется логическая модель «субъект – связка – предикат», глагольные словоформы можно разложить на исходные логические компоненты: глагол соотносится с предикатом (глагол, по Ф. Боппу, это часть речи, которая выражает соединение предмета с качеством и их отношения друг к другу), окончание – с местоименным субъектом, а связка представлена в раз-

личных глагольных форматах. В письме к Ф. Боппу В. фон Гумбольдт отмечает:

Я, со своей стороны, склонен рассматривать абсолютное большинство флексий как результат имевшей место агглютинации, а потому считаю различие между флектирующими и агглютинирующими языками историческим, каковое различие является не только и даже не столько свидетельством возраста, сколько, скорее, показателем изменений, которые претерпел язык [Переписка... 2004: 22].

Признание «имевшей место агглютинации» позволяет ученому объяснить формирование внутренней формы языка: в каждом языке процесс номинации осуществляется по-разному, на основе *разных форм представлений о соединении предметов, предмета с качеством, качества друг с другом* и т.д. И в характере соотношения корня и флексий зафиксированы эти разные формы преставлений, осознаваемые лингвистами как способы создания словоформ языка, специфичные для каждой лингвокультуры: «Языковое обозначение является активным фактором в процессе формирования или, лучше сказать, переформирования того, что им обозначается, а следовательно, и самого значения. Когда язык что-нибудь обозначает, его не интересует обозначаемый предмет во всей своей бесконечности свойств, действий и проявлений» [Лосев 1982: 11]. Поэтому-то внутренняя форма языка может рассматриваться как действие, как способ представления «духа народа» в звуковой материи. Звуковая материя в результате «интенций сознания» становится языковой – она специфически структурируется в соответствии с доминирующими способами формирования понятий, способами их представления в звуковой материи: «языковое обозначение исходит не просто из отражения действительности в человеческом сознании или мышлении <...> а именно из активного вмешательства в действительность, из активного выбора из нее того, что нужно человеку для общения с другим человеком на том или ином отрезке времени, большим или малом, т.е., иначе говоря, из коммуникативного использования действительности и,

следовательно, из того или иного ее переделывания или преподнесения» [Там же: 13]. Внешняя (звуковая) форма языка – по сути результат операционализации действий, результат обобщения способов «работы духа» по формированию языка и понятно, что, по Ф. Боппу, «в языках осталось мало настоящих флексий, а то, что по праву можно было бы назвать флексией, играет в системе языка весьма незначительную роль. Просто статус флексии присваивается теперь слишком уж щедро» [Переписка 2009: 25].

Например, предметность как логическая категория формируется на основе формального представления в языке понятий, определенным образом сформированных. Но она не обусловлена какими-либо свойствами реальных предметов – она обусловлена именно привычным («принятым»), исторически сложившимся способом представления понятий о предметах в конкретном языке. Так, в русском языке это могут быть соединения корней и аффиксов, уже утративших исконную «понятийную» семантику или обладающих еще осознаваемой, но обобщенной грамматической семантикой: *мыло, шило, горнило; особенность; обстановка, поземка* и мн. др. Степень осознаваемости значения аффиксов может быть весьма различной, что отражает, вероятно, разное время их стабилизации как языковых элементов (психологически – постепенную операционализацию, «автоматизацию» значения, превращение когда-то актуального ментального признака в формальный, но обязательный компонент языковой структуры).

Доминирующие способы реализации внутренней формы языка (действий «творящего духа») можно обнаружить в словообразовательных моделях, представляющих по сути действие, «установленное», «ограниченное» рамками привычного принципа, способа его реализации в звуковой материи (уже структурированной внешне в процессе эволюции данного языка).

Известно, что порождающие свойства деривационных моделей обусловлены отношениями входящих в них элементов.

Вот эти отношения и являются проявлением внутренней формы языка как способа представления понятия в звуке. В сложившемся языке они соотносимы с процессом извлечения мышлением человека устойчивых связей единиц языка и их значений из конкретных словоупотреблений, воспринимаются как закономерные и потому активно используются, ср.: *Я влюблен, / Я очарован, / Словом, я огончарован.* (Пушкин).

Внутренняя форма языка действует и в случаях, когда носитель языка, в частности, сталкивается с использованием так называемых непродуктивных моделей словообразования, в которых представлены нечастотные аффиксы (унификсы) типа *почтамт, стеклярус, попадья*.

Итак, соотношение представлений и характера артикулируемых звуков, первоначально деятельностное, постепенно операционализируется, результат речевого действия – выражение, «овеществление» отношения индивида к объекту деятельности; «артикулированный звук» – средство овеществления специфического речевого действия, закрепляющего в языковых формах установленное человеком соотношение субъектно-объектного действия. Это, в свою очередь, приводит к образованию «типичных звуковых комплексов», во флективных языках – аффиксов. В отношении корень – аффикс зафиксирована операционализация речевого действия, т.е. превращение его во внешнюю форму языка.

Поэтому в языке нет никаких «свободных словосочетаний». Вслед за А. Мейе И.Е. Аничков «обычному, не высказанному никем, но всеми негласно, как само собой разумеющееся понимаемому взгляду о необъятности всего множества возможных на каждом языке сочетаний слов» противопоставлял «тезис об устойчивости и уловимости сочетаний слов», а «каждое слово сочетается с ограниченным количеством других слов. И в каждом случае границы могут и должны быть нащупаны и установлены» [Аничков 1997: 99]. «Устойчивость и уловимость» сочетаний слов – это одно из проявлений внутренней формы, стабилизирующей

язык. При этом внешние, грамматические (и, в частности, синтаксические) связи могут быть представлены в бесконечном количестве звуковых реализаций. Именно об этом говорит и В. фон Гумбольдт:

(каждый элемент языка. – В.П.) «соответствует другому, недостаточно четко элементу, а также той совокупности, которая сложилась из суммы явлений и законов духа или может еще сложиться. Истинное развитие протекает постепенно, и то, что возникает вновь, образуется по аналогии с уже существующим»; «То, что уже сложилось в звуковой форме языка, силой притягивает к себе новые формы, не позволяя им идти каким-либо существенно иным путем» (курсив мой. – В.П.) [Гумбольдт 1984: 97].

Поэтому развития внутренних форм практически не наблюдается: как отмечает В. фон Гумбольдт, нет языков с несложившейся, формирующейся внутренней формой. Однако новые *внешние* формы языка могут появляться как следствие эволюции структуры языка, так и в результате заимствования. Ср. употребление псевдолексем типа *Дома ждет меня чокунил*.

Для выявления сущности языка важно установить отношение представления и способа его фиксации в языке, в результате чего образуется понятие:

«слово – не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь – главный источник многообразия выражений одного и того же предмета... (курсив мой. – В.П.) [Там же: 103].

Одно и то же понятие может быть представлено и синтетически, и аналитически: *сыроедение, есть сырое* и т.д. Главное не этимон, а характер его связи со способом выражения в конкретном языковом «средстве»:

«язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них, *самодетя-*

тельно образованные духом в процессе языкотворчества» [Там же].

Так, слова *одуванчик, ветродуй, чепурки* с точки зрения содержательной соотносятся с одним и тем же предметом, однако способ образования понятия – совмещение представления со способом фиксации его в языке – в каждом случае разный. В лексеме *одуванчик* представление об определенном свойстве предмета совмещается с принятым в языке способом выражения отношений человек – действие с предметом («одуванье»). Во втором фиксируются иные отношения: представление о взаимодействии предмета с другими предметами и способ представления этого взаимодействия («ветродуйство»). В третьем случае язык реализует более сложные отношения: *одуванчики* называются *чепурками*, потому что директор завода по фамилии Чепурков усиленно боролся с *одуванчиками*, буйно разраставшимися на территории завода, бросая рабочих на прополку. Ср.:

«понятие часто, если не всегда, должно приобретать в языке образный и переносный смысл» (в данном случае «чепуркизм», т.е. это разные внутренние формы. – В.П.), а «каждое понятие обязательно должно быть внутренне привязано к свойственным ему самому признакам или к другим соотносимым с ним понятиям, в то время как артикуляционное чувство (Articulationsinn) подыскивает обозначающие это понятие звуки» [Там же].

Особенно явно влияние внутренней формы при образовании окказионализмов. В языке разные типы значений (представлений) и отношений между ними уже закрепились в «членораздельном звуке» – способах представления понятий, и новый смысл уже «вписывается» в систему конвенционально закрепленных операций – внешних форм; новый способ представления понятия при этом не порождается.

(Окончание в следующем номере.)